

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)
Ф76

*Перевод с французского Аси Петровой
Художник Маргарита Чечулина (Greta Berlin)*

Фомбель, Тимоте де.

Ф76 Книга Джошуа Перла [для сред. и ст. шк. возраста : 6+] / Тимоте де Фомбель ; [пер. с фр. Аси Петровой ; худож. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2018 — 224 с. : ил. — ISBN 978-5-00083-413-8.

Эта детективная история началась дождливым вечером в Париже. До начала Второй мировой войны оставалось несколько лет, и люди еще выстраивались в очереди за сладостями. Жак Перл, как всегда, заворачивал мармелад в фирменную шелковистую бумагу, когда увидел на улице замерзшего и промокшего насквозь мальчишку лет пятнадцати. Тот не говорил по-французски, и как оказался здесь — загадка. Пройдет время, он возьмет имя Джошуа и заменит супругам Перл их умершего сына.

А может, эта история началась в другой момент, как приключенческий роман. Тогда, когда 14-летний юноша, усталый и израненный, бежал через лес и наткнулся на удивительную хижину. В ней жил неразговорчивый мужчина по имени Джошуа Перл, отведший целую комнату своего жилища под чемоданы. Поразительно, сколько их тут! Но еще удивительнее их содержимое. Аккуратно завернутые в бумагу с надписью «Кондитерская „Дом П“», хранятся в них всевозможные диковинки. Маленький наперсток в красной коробочке, янтарный шарик с застывшей внутри косточкой, череп из слоновой кости — не иначе как бесценные артефакты, украденные где-то?

Возможно, есть у этой истории и третье начало, самое невероятное: юный Илиан влюбляется в прекрасную девушку Олию, но вместе им быть не суждено... С чего ни начни рассказ, история покажется невероятной. По крайней мере тем, кто утратил способность верить в сказку.

Роман Тимоте де Фомбеля отмечен специальным призом за лучшее произведение для подростков на книжном салоне Монтрёй во Франции. Другие его романы также выходили на русском языке в издательстве «КомпасГид»: «Тоби Лолнесс», «Ванго», «Девочка из башни 330».

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства. Интересы издательства «КомпасГид» представляет ООО «Юридическое агентство «Копирайт» (www.juragent.ru).

© Editions Gallimard Jeunesse, 2009, pour le texte

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», издание на русском языке, 2018

ISBN 978-5-00083-413-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПАССАЖИР ГРОЗЫ

1

Вдали от всех королевств

Кто бы мог поверить, что это — фея?

Чтобы выбраться из башни, она разорвала одежду и связала канат. Чтобы одеться — сдернула с бельевой веревки чью-то рубашку. Разве феи так поступают?

Девушка, бежавшая по ночному пляжу, и не была феей. Больше не была. Накануне она отказалась от магии. И стала такой же, как все. Возможно, чуть более растерянной. Чуть более пылкой. Чуть более красивой, чем другие. Но все-таки — вполне земной.

Белый песчаный пляж простирался на многие километры вдоль моря, блестящего при свете звезд. За пляжем чернели леса. Теплая ночь была светлой, почти как день. Все звуки тонули в шуме волн.

Она бежала по мокрому песку, и в ее следы, мгновенно наполнявшиеся водой, заползали маленькие крабы. Она совсем обессилела. Она не знала, который час. Знала только, что в полночь всё будет кончено.

Он умрет.

Еще вчера, чтобы поскорей добраться до места, она бы оседлала волну или пролетела над лесом.

Еще вчера она была феей. Была обречена пережить свою любовь.

И она отреклась. Ради того, чтобы состариться с ним рядом.

Такое случается крайне редко. Даже в самых старых сказках.

Вдали, за каменной насыпью, тускло краснел плавучий маяк в виде корабля, зажигавшийся, чтобы заманить на скалы суда из других королевств.

Его привели сюда на казнь.

Расстояние до маяка казалось непреодолимым, пляж — бесконечным.

Она задыхалась. Ветер сбивал с ног, сердце колотилось, израненные ступни саднили, предательски наваливалась усталость. Вот она, желанная человеческая участь!

И все-таки она ни о чем не жалела.

Она хотела быть такой же, как он. Хотела быть с ним.

Наступила ли полночь? Она попыталась определить час по цвету неба. Феи всегда приходят вовремя. Но это больше не про нее.

Наконец она добралась до первых скал. Луна уже опускалась в море. Свет маяка, казалось, стал ярче, камни под ногами — теплее. Теперь совсем близко. Она перепрыгивала со скалы на скалу. Маленькое белое пятнышко на черном базальте.

Свет маяка для кораблей — надежда. Она тоже надеялась. И тоже потерпела крушение.

Его глаза оставались широко открытыми. Ему было, как и ей, пятнадцать или шестнадцать. Он лежал на палубе. Совсем один.

Она рухнула на холодное тело.

— Любовь моя...

Всхлипывала на каждом вдохе. Сжимала его голову, всё еще надеясь увидеть свет в этих глазах. Сердце билось

за двоих. Билось и разбивалось. Корабль качался на волнах, но никуда не плыл.

— Любовь моя...

Цеплялась за его плечи. Прятала лицо в волосах. Шептала, уткнувшись в шею. Умоляла, упрекала, оплакивала.

Наконец умолкла.

В топке маяка, видимо, сожгли кедр. Запах ладана, перекрывавший все прочие, напомнил ей, что и она теперь смертна.

Она с трудом приоткрыла заплаканные глаза. Среди скал двигалось пятно фонаря. Кто-то шел в их сторону. Оторвавшись от мертвого возлюбленного, она укрылась в тени.

Прошло несколько минут. Она беззвучно плакала, сцепив руки. Человек с фонарем приближался.

Медленно, лениво он ступал по извилистой тропинке среди дубовых стволов, похожих на колонны. Он был уже немолод. За собой он тащил пустые носилки, на которых перевозят покойников.

Она смотрела на него из тьмы. Это — палач? Он вернулся, чтобы избавиться от тела?

Человек нагнулся над мертвым и пробормотал:

— Тебе не будет страшно. Я отнесу тебя в ущелье.

Бесшумно выскочив из тени, она сбила его с ног, с быстротой молнии выхватила у него из-за пояса топорик и занесла над головой, готовая расколоть ее, как орех. Растянувшийся на палубе человек с ужасом таранился то на нее, то на сверкавшее перед глазами лезвие.

— Ты убил его, — произнесла она.

Он ничего не ответил, пытаясь угадать, кем была эта легкая, как пух, дикарка, чьи острые колени пригвоздили его к полу.

— Я не убивал, — простонал он наконец.

— Кто?

Ветер гнал в их сторону светлячков, избежавших огня.

— Никто.

Топор угрожающе дрогнул.

— Тааж.

Она замерла.

— Тааж приказал... привести сюда и убить...

— Где он?

— На своих болотах.

— Значит, Тааж убил его.

— Нет! Никто! Клянусь, его никто не убивал!

Она сжала топор и зажмурилась, чтобы не видеть, как хлынет кровь.

— Когда я сделаю свою работу, Тааж убьет меня...

— Какую еще работу?

— Я должен спрятать тело в ущелье... Но я знаю! Я один знаю: он не делал этого! Тааж не хотел убивать сына короля!

— Тааж убивает, как дышит. Я знаю его.

— Но его страшат души королей.

— Кто убил? — устало повторила она.

— Я не могу сказать! — заплакал он. — Но ты не убьешь меня! Иначе никогда ничего не узнаешь!

Она медленно опустила топор и закрыла глаза. Да, это так. Теперь до конца дней ее будет мучить эта загадка.

— Кем вам приходится юный принц? — осторожно спросил незнакомец.

Она молчала. Ей вдруг вспомнилось, как холодным утром он выходил из озера, над которым висел туман, и от его тела шел пар.

— В этом теле его больше нет.

Он вздрогнула и уставилась на говорившего. Ей слышалось?

— Он жив. Его изгнали.

— Где он?! Куда?!

— Он там, откуда не возвращаются. Тааж отправил его в ссылку, чтобы не пришлось убивать.

— Да куда же! Отвечай!

Она опять схватилась за топор.

— Тааж сказал, ни одна дорога не приведет его обратно. Только волшебство могло бы ему помочь...

От последних слов у нее перехватило дыхание. Выходит, она потеряла всё: и любовь, и магию.

Бывшая фея склонилась над принцем. Погладила его холодный лоб. Где, в каких краях он проснулся? Где это королевство, откуда нет возврата?

Голос за ее спиной вдруг ответил:

— Он в том единственном времени, в той единственной земле, где не верят ни в фей, ни в сказки...

Море, казалось, успокоилось. Слышно было только шипение пены. А вдали, на пляже, — топот конских копыт.

2

СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

На стволе дерева осталась кровь. Вокруг простирался густой темный лес. Мне было четырнадцать. Я нес сумку через плечо, мокрые волосы лезли в глаза. Я шел, не разбирая дороги.

Я пытался сбежать от невыносимой тоски. Я брел по лесу уже три часа.

Если бы я не оперся о дерево, если бы не взглянул на свои руки, может, ничего бы и не случилось. Я бы не заблудился, нашел дорогу, которая светилась всего в нескольких километрах от меня.

Но я поднес ладони к глазам и увидел кровь, липкую, как сок красного персика.

Под ногами шуршали опавшие листья. Еще не стемнело. Свет сеялся сквозь ветви каштанов, едва освещая камни, поросшие мхом. Наклонившись, я обнаружил в шаге от дерева еще одну большую каплю крови.

Она указывала, куда идти.

Я понял, что где-то среди деревьев скрывается раненый, который, возможно, нуждается в помощи.

— Кто здесь?

Я произнес это тихо и хрипло, будто говорил сам с собой, и снова взглянул на свои дрожащие руки. Я сбежал без пальто, с одной сумкой, в отчаянии. Я бросил

велосипед в траве, на обочине большой дороги. Углубился в лес, чтобы забыть о ней.

Неведомая сила влекла меня в чащу. Я шел по следу, будто волк. Пригибаясь к земле, чтобы различить под ногами капли крови, указывавшие путь. Я мчался вперед, раздвигая ветви, втоптывая в землю ягоды и колючки.

Порой мне казалось, что моя грусть отстает, что воспоминаниям тяжело преследовать меня по этим джунглям. Легкое дыхание девушки пропадало где-то в прошлом и больше не мучило меня...

Тогда я замедлял шаг и ждал, когда воспоминания меня настигнут. Я бежал от тоски, но я не хотел от нее освободиться.

Как ее звали? Она не сказала.

Запрокинув голову, я пронзительно кричал в пустое небо.

Если бы кто-то был в опасности, он бы уже отозвался. Однако мне отвечала лишь тишина. Я натянул капюшон. Кое-где с ветвей падали капли дождя. Никогда раньше я не кричал там, где никто не слышит. Слезы катились из глаз, было страшно. И в то же время я ощущал какое-то странное удовольствие. Я кричал что было мочи. Смеркалось, и тьма отсекала меня от мира, который я знал.

Внезапно между двумя поваленными деревьями я увидел косулю. Она смотрела на меня в упор и не двигалась с места. Я подумал, что отыскал раненое животное, по следу которого шел. Ничего подобного: шерстка косули была чистая и гладкая, как на картинках в детских книжках. Лапки внизу — почти белые. И никакой крови.

Казалось, косуля удивлена не меньше меня. С листвы сорвалось несколько капель, которые разбились о мох, словно хрустальные шарики. Косуля отступила на шаг.

Я знал, что, если пошевелюсь, она исчезнет навсегда, подобно девушке, что пару часов назад выпорхнула из моих объятий.

Наконец я шагнул вперед, косуля умчалась, и всё вокруг погрузилось во мрак.

Земля под ногами становилась неровной. Я двигался на ощупь от дерева к дереву. Крови уже не было видно. Я не чувствовал ничего, кроме холода, который набрасывался на меня, стоило только остановиться.

Еще шаг, и далеко впереди я увидел светлое пятнышко, изгибавшееся подобно волне. Оно было похоже на маленький переливчатый золотой коврик, который ни на секунду не переставал двигаться. Я закрыл глаза. Открыл. Коврик оставался на том же месте. Когда я попробовал приблизиться, ноги куда-то провалились.

Наконец я понял, что происходит. Передо мной мерцала широкая река. Я слышал ее журчание. А квадратное пятнышко было отражением освещенного окна.

Я поставил на плечо сумку с моим «сокровищем» и решительно вошел в воду.

Течение изо всех сил толкало меня влево, но я не поддавался. Внезапно свет погас. Я попытался разглядеть в темноте дом. Ведь на берегу, несомненно, должен был стоять дом...

Сила отчаяния, с которой я бросился в лес, теперь становилась моей союзницей: шагала во мраке бок о бок со мной.

Я был уже по пояс в бурлившей воде. Я знал, что опасно переходить незнакомые реки среди ночи. Ноги утопали в иле. Иногда течение толкало меня, чтобы я упал. Но я продолжал идти, крепко прижимая к себе сумку.

Я думал, что спасен. Большую часть реки я точно преодолел. Внезапно у меня свело шею, голова закружилась.

Ночь, казалось, водила вокруг хороводы. Что произошло? Я напрягал мышцы, чтобы не упасть. Силы покидали меня. Я мог утонуть.

На секунду в окошке снова зажегся свет. Несмотря на головокружение, я различил силуэт. Уверенный, что меня заметили, я не двинулся с места. Вспомнив о крови в лесу, я хотел повернуть назад, но вдруг услышал, как кто-то трижды прыгнул в воду примерно в десяти метрах от меня. В этот момент холод стал невыносимым. Спустя секунду я увидел трех существ, плывущих по реке. Животные боролись с течением. Их головы виднелись на темной поверхности. Я потерял равновесие, сумка коснулась воды, но я вовремя успел ее подхватить.

Черные тени, рассекая волны, двигались в мою сторону.

Мне хотелось добраться до берега, но тело больше не слушалось.

Наконец я смог повернуть голову. Свет погас, и животных было уже не видно, но я понимал: они где-то рядом. Я хотел закричать — и не мог. Я представлял себе мускусных крыс, медведей, анаконд. Неведомое существо, нырнув, внезапно коснулось моей ноги. Звери решили наброситься на жертву все вместе... Я уже почти потерял равновесие, когда кто-то в темноте схватил меня за плечи. Челюсти скользнули по моей коже, но схватили только куртку. Почувствовав, что меня оторвали от речного дна, я потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на понтонном мосту. Человеческие руки, показавшиеся огромными, поддерживали меня. Я был не в силах пошевелиться. И вскоре снова впал в беспамятство.

Помню свое странное состояние, какие-то тени, ночных птиц, смех девушки, из-за которой я покинул мир.

Тяжелый сон накрыл меня с головой, и я едва дышал. Я не просыпался очень долго.

Я пришел в себя, ощутив близость огня, прикосновение льняной простыни и запах горящих шишек. Полное блаженство после кошмара.

Тишина свистела и порой стрекотала. Я был в убежище. Снаружи шел дождь. Я наслаждался приятной тяжестью одеял. За белым изгибом подушки я увидел трех собак, спавших у камина. Где их хозяин, великан, спасший меня из воды? Я поднес руку ко лбу и нащупал повязку.

— Вы поранились о колючий кустарник...

Голос шел откуда-то сверху, с другого края кровати, словно голова великана касалась потолка. В полутьме я не видел его гигантского тела.

— Я вытащил иголки ногтями, — сказал он.

Тепло больше не внушало доверия. Я думал о длинных, как серпы, ногтях. Как бы сбежать? Мне рассказывали, что пленники всегда жалеют о первых минутах, когда они еще могли сбежать. Я нашел глазами дверь. Чтобы добраться до нее, надо было перешагнуть через собак. Одна из них проснулась и лизала лапу.

— Скорее всего, кровь шла несколько часов. Мои собаки вовремя вытащили вас из воды.

В этот момент в камине вспыхнула шишка. Вся комната озарилась светом. И я наконец увидел хозяина. Он стоял на верхней ступеньке приставной лестницы и убирал на полку красные и коричневые коробки. Он ничуть не походил ни на великана, ни на людоеда. Он слегка повернулся ко мне.

Теперь я вспоминаю, что его лицо сразу показалось мне каким-то нездешним. Но я тут же отвлекся на другую мысль, и первое впечатление рассеялось. Он повторил:

— Вы потеряли много крови.

И тут я понял, что капли крови, которые привели меня сюда, были моими. Всякий раз, когда я наклонялся, с моего лба капала кровь, и сквозь слезы я видел именно ее. Раненый, которого я хотел спасти, оказался мной самим!

3

Убежище

Несколько минут я, не открывая глаз, размышлял над происходящим. Я слышал, как скрипит приставная лестница. Наверное, хозяин думал, что я сплю. Я ждал подходящего момента. В моей голове возник план.

Внезапно я встал, бесшумно, как оживший мертвец. Ноги коснулись пола.

Дремавшие у камина собаки видели, как я пробрался к дверям, не сумев их открыть, пересек комнату, схватил раскаленную кочергу — мне ведь было необходимо оружие, обжегшись, бросил, завопил как индеец, завертелся, вскочил на стол и сиганул в окно.

Собаки, наблюдавшие за этим цирковым представлением, и ухом не повели. Хозяин, возможно, даже не понял, что к чему. Однако я успел вывихнуть лодыжку, завопил громче прежнего и расквасил нос о землю, хоть и поросшую травой, но все-таки твердую.

Браво.

Иногда борьба за жизнь выглядит уморительно драматично.

Итак, я полз на локтях. После падения я продвинулся метра на полтора. За десять минут. Дождь шел всё сильнее. Я извивался, как угорь, в мокрой траве и понимал, что далеко мне не уйти. Тем не менее никто не вгрызался

клыками в мои икры и не всаживал в спину топор. Наконец я впал в глубочайшее равнодушие.

Та же реакция ждала меня, когда я вернулся в дом. Исключительное спокойствие. Мужчина сидел за столом, что-то записывая в большую книгу. Сконфуженный, я прохромал к постели. Собаки теперь спали в ногах у хозяина. Несколько секунд тот молчал, погруженный в работу. Меня трясло, и я натянул одеяло до подбородка.

— Что это было? Побег?

Он даже не поднял головы от записей. Его улыбка была едва заметной. И ни капли иронии в голосе. Я устыдился еще больше.

— Кто вы? — спросил я.

Он прищурился, словно вопрос требовал длительных размышлений и не подразумевал однозначного ответа. Словно я спросил, существует ли Бог, есть ли край у Вселенной и можно ли на нем повиснуть, как на балконной решетке.

Впервые он взглянул на меня. И смотрел долго.

Таких, как я, у этого человека, несомненно, было четверо или пятеро. Они наверняка висели под потолком в кладовой. Хозяин, вероятно, планировал сделать из моей черепушки пресс-папье, а из моих фаланг — приборы для разделывания улиток...

Вместе с тем я больше уже не мог бояться. У мужчины были короткие седые волосы, грубая куртка столяра и изящные руки золотошвейки. Я бы дал ему лет шестьдесят. Он крутил в пальцах карандаш и выглядел сосредоточенным, спокойным. Его серые глаза напоминали море под дождем.

Я пытался противостоять этому образу и повторял про себя, что не должен уснуть. Не должен. Не должен.

Однако этот припев и усталость усыпили меня.

Во сне, воспользовавшись моей беспомощностью, ко мне вернулась она. Ей было четырнадцать или чуть больше. Она ступала по обломкам того, что разрушила. Я чувствовал ее ступни на своем теле. Но, несмотря на боль, не прогонял ее. Я предпочитал боль разлуке.

На рассвете дождь прекратился. Дом казался пустым. На постели играли солнечные лучи. Я поискал глазами сумку, с которой пришел. Но она исчезла. Спустив ноги с кровати, я понял, что не могу сделать и двух шагов. Боль не утихала.

Я внимательно разглядывал помещение. Едва разлепив глаза, я уже придумывал новый план побега и ждал подвоха от врага. Наконец я понял, что нахожусь в удивительном месте: в большой квадратной комнате, немного задымленной из-за камина, с двумя окнами и дубовым потолком, который надежно подпирали два столба. Мебель не загромождала пространство: стол, который я видел накануне, длинная тумба с выдвигаемыми ящиками, несколько табуреток. Вдоль одной из стен до самого потолка тянулись аккуратно сложенные дрова, удерживаемые металлическими кольцами. С таким запасом дров холода могли бы тянуться бесконечно. Еще в комнате стояло старое продавленное кресло, а под потолком висели четыре лампочки. Также следует упомянуть раковину, лестницу, корзины и старый велосипед, прислоненный к электропиле, которая, подобно предмету декора, красовалась прямо посреди помещения. Но самое странное находилось у меня за спиной, около кровати.

Целую стену занимали наваленные друг на друга чемоданы. Их были сотни — картонные и кожаные, деревянные и с металлической окантовкой, обитые тканью и простые, блестящие и матовые, лакированные и без

отделки, желтые, коричневые, красные, голубые... Вся стена состояла из чемоданов.

Зрелище напоминало пункт сортировки багажа на железнодорожном вокзале. И всё окутывал легкий дымок из камина.

— Вы уезжаете в путешествие?

Я задал этот вопрос хозяину, который только что вошел. Он не ответил, только положил на стол сумку.

Это была моя сумка.

— А ты? Куда ты направлялся? — спросил он, впервые говоря мне «ты».

Я не знал, что ответить. Я бежал от тоски, но с какой целью? В поисках утешения?

Он не отставал:

— Ты был один?

— Да.

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Тебя не будут искать?

— Кто?

Он стоял в лучах солнца, а я смотрел против света.

— У тебя есть семья?

У меня была целая коллекция родственников всех возрастов, но в ближайшую неделю никто из них не собирался меня искать. Не зная, что он задумал, я решил насчет этого особо не распространяться.

— А у вас есть семья?

Его лицо снова превратилось в черную дыру, где вопросы исчезали навеки, а ответов приходилось ждать несколько световых лет. Открылась дверь, и вошла одна из собак, похожая на волка.

Хозяин принялся выгружать на стол содержимое моей сумки.

— Что вы делаете?

Я хотел подняться, но забыл о вывихнутой лодыжке: мне показалось, что в ногу пару раз выстрелили из ружья. Я рухнул на кровать с криком: «Вещи хрупкие! Не трогайте!»

Он копался в моей сумке и раскладывал предметы, выстраивая квадрат.

Теперь на столе лежали нож со стопором, тетрадь, фотоаппарат, шесть пленок в серых и черных коробочках и маленькая камера модели Super-8.

— Оставьте, пожалуйста...

Сперва он взял в руки фотоаппарат.

— Я собирался выбросить это в реку, — сказал он.

Сердце мое заколотилось. На пленках было единственное, что осталось мне от нее. Несколько еще не проявленных фотографий. Мое сокровище.

— Не знаю, зачем ты явился ко мне со всем этим.

— Я заблудился. Я не собирался приходить к вам.

— Это твои вещи?

— Да.

Если честно, фотоаппарат принадлежал моему отцу, камера — матери, а пленки я взял из комода у нас в гостиной. Так что, по правде говоря, я не владел ничем, кроме воспоминаний, зафиксированных на пленке. Да и воспоминания уже не внушали мне уверенности: мои ли они?

Мужчина повернулся ко мне спиной. Кажется, он размышлял.

Сегодня мне известно, как в той комнате за несколько секунд крепко-накрепко завязались узелки наших судеб. Я отлично представляю, что было бы с моей и его жизнью, если бы сумка утонула в реке. Зачем он потянул за тоненькую ниточку, именно ту, которая подвергала его